

**«КИТАБИ ДЕДЕ КОРКУД» В ИССЛЕДОВАНИЯХ ПРОФЕССОРА
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ХАЛИДА КОРОГЛЫ****Л.Д.КУЛИ-ЗАДЕ*****Бакинский Государственный Университет***

Значительный вклад в разработку эпоса «Китаби Деде Коркуд» внёс профессор Московского университета Х.Г.Короглы. Круг интересов этого виднейшего коркудоведа необычайно широк: в своих исследованиях этого памятника он затрагивал его литературный и исторический аспекты, проблемы поэтики. Отметим, что азербайджанский эпос переполнен таким большим количеством беков, ханов с детьми и жёнами, что может возникнуть вполне естественная путаница с одинаковыми именами. Однако самопроверка опровергает возможные ошибки. Так, оказывается, что в трёх сказах под именем Уруза выступает именно сын Казана. Более того, многие исследователи объединяют эти три сказания в единый цикл о Казане. В XI сказе даже делается упор на том, что маленьким ребёнком сын Казана попал в плен и понадобилось много лет, чтобы Уруз подрос, набрался сил, окреп и, счастливо избежав дальнейшего пленения у врагов, отправился на поиски своего отца.

И совсем, на наш взгляд, курьёзный случай наблюдается начиная с восьмого сказа Книги. Герои, которые гибнут непосредственно от рук Депегеза, здравствуют и действуют во всех последующих четырёх частях. Из приведённых примеров следует, что некоторые события, разворачивающиеся в предпоследнем одиннадцатом сказании, отражают более ранние, а восьмое соответственно опережает действия, которые должны были первоначально составлять основу второй песни и т.д. и т.п. Именно вышеуказанные факты побуждают Х.Г.Короглы развернуть научную дискуссию о «нестройности» всех двенадцати сказов, явно, на его взгляд, в разное время включенных в «Китаби Деде Коркуд». Небезынтересно заметить, что на этой основе исследователь делает даже вывод, что в действительности «если выстроить сказания в логический ряд (учёный имеет в виду и все другие многочисленные ремарки и подправки к памятнику), то получим такую последовательность сказаний: VIII, I, III, IV, XI, II, V, VI, XII, IX, X, XII».

В текстуальном отношении, правда, эти списки практически аналогичны друг другу, но в композиционном весьма отличны. Короглы, таким образом, далеко не подвел окончательную черту над этим вопросом своей собственной версией цифровой компоновки сказов. Уже, проанализированные нами в первой главе работы, труды ряда русских исследователей памятника также указывали

на характерное нарушение хронологии. Но в их работах не нашло отражение цепочка, выстраивающихся в ряд, песен. Они просто не занимались этим вопросом. Х.Г.Короглы пошёл заметно дальше своих предшественников. После высказанной версии многие современные критики-литературоведы справедливо подчеркивали условный характер композиции памятника.

Любопытно заметить, что каждый ученый имел свою заготовленную идею, отталкиваясь от которой по-своему трактовал композиционный принцип «Китаби Деде Коркуд». К месту здесь вспомним, что ещё В.Бартольд в самом конце XIX века считал единство поэмы ее важнейшим структурирующим началом. Он однозначно указывал, что стиль «Китаби Деде Коркуд», а также система расположения «частей-сказов» позволяет говорить о вполне ярко выраженной художественной организованности эпоса. Однако, несколькими годами спустя, академик резко изменил свое первоначальное мнение. Бартольд решает оттолкнуться от наличия или, напротив, отсутствия главных действующих лиц в тех или иных сказов и такой принцип стал считать основным композиционным критерием. Так он приходит к мнению о том, что только десять сказов эпоса каким-либо (и то не вполне четким) образом композиционно увязаны между собой. Тем самым из памятника в целом он вычленил сказы «Об удалом Домруле» и «О сватовстве Кан-Туралы», т.е. те самые, в которых отсутствуют другие, помимо Коркуда, основные действующие лица «Книги» - Баяндур-хан и Салор-Казан».

Некоторые другие учёные, не соглашаясь с данными выводами русских исследователей, выдвигали в свою очередь тематический принцип. Согласно ему указывалось, что при записи сказов преследовалась цель сконцентрировать их в виде эпопеи вокруг единой общей идеи. Так, начальные сказы (I-II) стали представлять собою завязку действия, III – IV – олицетворяли мирную жизнь народа и борьбу с внешним врагом, V – идею борьбы за вечную жизнь, VI – VII – расширение ареала действия огузских героев, VIII – борьбу с чудовищем как воплощением зла и т.д.

Х.Г.Короглы, как видно, делает основной упор на более строгой последовательности в изложении основных событий, причём он нередко полемизирует с Бартольдом. Так, если принять версию В. Бартольда, то век огузов относится к I столетию после принятия мусульманами ислама. Но с тех далеких времен до наших дней источников дошло крайне мало. Короглы писал, что в первый век распространения исламской религии на Востоке «огузы повсеместно господствуют на громадном степном пространстве Северного Туркменистана и Юго-Западного Казахстана. Этот край получает название «огузские степи» (Дашт- и гузан)».

Заметим, что вышесказанное вряд ли объясняется нелепостью первоначальных составителей и, разумеется, не бросает тень на художественные достоинства величайшего памятника азербайджанского народа. Но списки, которыми располагает филологическая наука на сегодняшний день, в композиционном отношении, как видно, оказываются неточными.

Завершим этот вопрос собственными выводами по проблеме композиции памятника. На сегодняшний день уже обстоятельно доказано, что в том виде, в каком до нас дошли Ватиканская и Дрезденская рукописи, в свою очередь переписанные с более древних сюжетов и мотивов, действительно есть некая компо-

зиционная рыхлость. Имеет место и разбалансированность некоторых сюжетов и мотивов. Но беда в перегибах при разработке этой проблемы. Она заключается, на наше усмотрение, в том, что они замкнуты в границах определенных географических реалий. Лишь на беглый взгляд территория компактного расселения огузов, вкупе с бытовавшими в их среде сказаниями, является большой. На самом деле в этом ограниченном географическом пространстве трудно отыскать ту верную научную основу, которая допускает наличие тех сказаний и сюжетов в «Китаби Деде Коркуд», что уже ранее существовало у других народов мира. Да и как на бывшей территории огузов искать эту научную основу, если и сегодня казахи поют песни «Тревоги Коркуда», если современный туркменский язык изобилует лингво – стилистическими особенностями, выражающими суть Деде Коркуда, если у сибирских тюрков есть имя кам-шамана Деде Коркуда, если на маленькой территории Азии – Турции существуют фольклорные образцы, отражающие сотни сюжетов и мотивов Деде Коркуда, если узбекские, киргизские, татарские эпосы в любом виде сохранили дух Деде Коркуда.

Поэтому следует говорить о более решительном пространственном ареале тех легенд и преданий, которые бытовали среди многочисленных народов мира и позднее в более-менее упорядоченном виде, вошли в окончательный состав «Китаби Деде Коркуд».

Но, разумеется, Х.Г.Короглы занимался не только установлением композиционных принципов в эпосе. В своих многочисленных трудах и в особенности в самом фундаментальном – «Огузский героический эпос» – он представил картину развёрнутых, обстоятельных и доказательных разъяснений многочисленных вопросов, так или иначе волновавших представителей русской и тюркской научной мысли. И в этом видится огромная заслуга Короглы. Помимо книги «Огузский героический эпос», на которую мы ссылались, говоря об архитектонике «Китаби Деде Коркуд», Х.Г.Короглы является автором ряда статей, посвященных этому героическому эпосу и опубликованных в 1970-1980-х годах в журналах «Филологические науки», «Советская тюркология», «Народы Азии и Африки» и «Вопросы литературы».

Если обзорно просмотреть опубликованное, то становятся очевидными границы научного поиска ученого – журнальные статьи в основном лежат в плоскости установления даты и авторства памятника. Можно сказать и так: журнальные публикации посвящены небольшим, но значимым в теоретическом отношении аспектам.

Первой в хронологическом порядке вышла в свет статья «Шаман, полководец, озан» («Советская тюркология», 1972, № 3, с. 48-62).

Отталкиваясь от критического материала, накопленного к началу 1970-х годов представителями русской и тюркской филологической науки, автор пытается проследить эволюцию образа Деде Коркуда в восточной и западной фольклорной традициях. Такое деление и сегодня считается правомерным. Ведь, дошедший до наших дней, материал о сказителе охватывает значительный географический ареал, подвержен разноликим религиозным поверьям и, соответственно тому, многочисленные мифы и легенды также носят различный характер.

Как подчёркивается в указанной статье, «образ Коркуда в памятниках, имеющих восточное происхождение, не утратил связи с ранними религиозными

представлениями огузов, хотя многие авторы... и пытались изобразить его мусульманином ... В западных же источниках Коркуд выступает как правоверный мусульманин, проповедник ислама и даже святой» (с. 61). И это вполне закономерно, обосновывает автор статьи, потому что огузы переселились на запад во времена, когда ислам уже пустил довольно глубокие корни.

Уже в самом начале повествования подчеркивается, что Коркуд – всеми почитаемый старец. Он нарекает героев именами и очевидно, что для исполнения подобных обязанностей на средневековом Востоке следовало иметь особые полномочия. Коркуд, судя уже по первому сказанию, о котором было заявлено в первой главе настоящей диссертационной работы, относился к числу избранных.

Отсюда авторский вывод о том, что легендарный и вместе с тем живой и полнокровный персонаж, пройдя сквозь столетия мифологических воззрений самого разного толка, модифицировался как военный полководец, наставник молодёжи, певец, главный сказитель эпоса (т. е. повествователь) и в придачу к тому шаман (или волхв). Нить этой эволюции схвачена коркудоведом, проведена «сквозь строй» фамилий многих исследователей Книги и завершена обобщением, носящим, как нам представляется, творческий характер: «Во всех сказаниях о Коркуде чётко прослеживается трансформация Коркуда – шамана и озана – в государственного деятеля, советника при правителях, мудрого наставника всего огузского иля» (с. 62).

Через два года, в 1974 году в свет выходит очередная журнальная статья Х.Г.Короглы «Проза или поэзия? (О книге моего деда Коркуда)» («Советская тюркология», 1974, № 2, с. 51-61). В этой статье автор поставил перед собой цель, основываясь на закономерностях логической и эмоциональной речи, сопоставить прозаическую часть «Китаби Деде Коркуд» со стихотворной. Именно на этой основе рассмотрены им как общие, так и некоторые различительные особенности указанных частей памятника.

В целях обоснования поставленной цели, Короглы приводит один из наиболее характерных, на его взгляд, отрывков, который характеризуется лаконизмом, интонационным своеобразием, многозначными паузами, содержит также элементы рифмы, ассонансов и аллитераций: «Дирсехан по слову своей жены устроил великий пир, вознес молитву о предмете своего желания, он велел резать жеребцов, верблюдов-самцов и баранов, созвал к себе на пир беков внутренних Огузов и внешних Огузов, если видел голодного – кормил его, если видел нагого – одевал его, если видел обремененного долгами – выкупал его; наложил мяса, как холм, надоил кумысу, как озеро, (все) подняли руки, произнесли молитву» (с. 52).

Безусловно, прав автор, указывая, что в данном отрывке бросается в глаза экспрессивная интонация, равно как и эмоциональная окрашенность речи. В то же самое время сквозь повествование все же явственно проступает образ самого повествователя.

В стихотворных же частях «Китаби Деде Коркуд», напротив, ритм и эмоциональная интонация выступают, прежде всего, в неделимом единстве как доминанты речи; например:

Ханская дочь, встать ли мне с места?
Схватить ли тебя за ворот и горло?

Бросить ли тебя под мою сильную пята?
Взять ли мне в руку свой вороненый булатный меч?
Срубить ли голову с твоего тела? и т.д. (с. 52).

Приведенный пример ярко демонстрирует принципиальное отличие внешне рифмованной прозы от отдельных стихотворных вкраплений.

Х.Короглы правильно заметил, что в «Китаби», как и во всяком произведении народного творчества, простейшей формой организованной речи являются пословицы и поговорки, состоящие, как правило, из двух частей, построенных на синтаксическом параллелизме и рифмующихся между собой (с. 55).

В этой статье Короглы также обратил внимание на то, что стихотворные партии «Китаби Деде Коркуд», в буквальном смысле слова, переполнены стилистическими приемами, такими, как аллитерация, лексическая анафора, фонетическая анафора, синтаксическая анафора, лексическая эпифора, синтаксическая эпифора и др. К каждому из указанных поэтических приемов ученый подводит соответствующий пример (См. об этом стр. 59-60).

Рассмотрев основные труды Короглы, мы пришли к выводу о том, что стихотворные партии «Китаби Деде Коркуд» в большинстве своём представляют собой весьма своеобразные, и так сказать, разнотипные тирады. Вспомним, что ещё Жирмунский обнаружил, «нарушения слогового равенства, характерные в принципе для архаического типа тюркского эпического стиха».

Однако Х.Г.Короглы, как нам представляется, пошёл в этом отношении значительно дальше своего предшественника. А именно, он подчёркивал, что отклонения от норм классического стиха свидетельствуют только о древнем характере «Китаби Деде Коркуд» – «памятника, не подвергшегося ни глубокой литературной обработке, ни влиянию письменной литературы. Но это не исключает, – заканчивает он свою мысль, – присутствия в памятнике наряду с ритмической прозой и более ритмически организованного образного текста – стихов, исполнявшихся как песни» (с. 61).

В 1987 году в журнале «Филологические науки» была опубликована очередная журнальная статья Х. Короглы «Когда и кем написаны «Книга моего деда Коркуда» (Китаб-и дадам Коркуд)?» («Филологические науки», 1987, № 5, с. 35-37). Анализ статьи показывает, что основные идеи этой небольшой по объёму работы фактически заявлены в самом названии. Автор проводит ретро-анализ немаловажной проблемы, которая и сейчас, через несколько лет после смерти Х. Короглы, остаётся мало исследованной.

Помимо всего вышеизложенного Х.Г.Короглы занимался литературно-критическим и собственно лингвистическим анализом всех двенадцати сказов, рассматривал проблемы перевода как в трудах русских, так и азербайджанских исследователей, являлся рецензентом и редактором многочисленных работ, посвящённых теме, вынесенной в заголовок настоящего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Короглы Х.Г. Огузский героический эпос. Москва, Наука, 1976, с. 133-205.
2. Короглы Х.Г. Новые данные о героическом эпосе огузов – журнал «Народы Азии и Африки», 1986, № 6, с. 49-51.
3. Короглы Х.Г., Набиев А.М. Азербайджанский героический эпос. Баку, «Язычи», 1996, 305 с.

4. Короглы Х.Г. Песни Коркуда – журнал «Советская тюркология», 1971, № 2.
5. Короглы Х.Г. Туркменская литература. Москва, 1972.
6. Короглы Х.Г. Шаман, полководец, озан – журнал «Советская тюркология», 1978, № 3.

**«KİTABİ DƏDƏ QORQUD» MDU-NUN PROFESSORU
X.Q.KOROĞLUNUN TƏDQİQATLARINDA**

L.C.QULUZADƏ

XÜLASƏ

Azərbaycan xalqının «Kitabi Dədə Qorqud» eposu 150 ildir ki, rus ədəbiyyatşünaslığının diqqət mərkəzindədir. Hələ XIX əsrin axırında və XX əsrin birinci rübündə aparıcı rus qorqudçusu V.V.Bartold, 1940-1970-ci illərdə isə V.M.Jermunski idisə, keçən əsrin axıncı rübündə bu mövqeni Moskva Universitetinin professoru X.Q.Koroğlu tutdu.

X.Q.Koroğlunun monoqrafiyalarının və məşhur ədəbiyyatşünaslıq jurnallarında çap olunmuş məqalələrinin təhlili Moskva aliminin müasir qorqudşünaslıqda rolu və yerini dəqiq təyin etməyə və Azərbaycan eposu və poeziyasının öyrənilməsində onun axtarışlarının rolunu aydınlaşdırmağa imkan verir.

**“KITABI DADA GORGUD” IN THE WORKS
OF Kh.G.KOROGLU, PROF. OF MSU**

L.D.GULIZADEH

SUMMARY

The Azerbaijanian people's epos of “Kitabi Dada Gorgud” has been staying in the centre of Russian history of literature for nearly a hundred and fifty years. If at the end of XIX in the first quarter of XX centuries the leading specialist in Gorgud literature was V.V.Bartold, and in 1940-1970 V.M.Jirmunsky, then in the last quarter of the past century this position has been firmly taken by the Professor of Moscow State University Kh.G.Koroglu.

The detailed analysis of monographs and scientific articles by Prof. Kh.G.Koroglu, published in the most important literary journals, gives the opportunity for the author to define properly the role and place of this Moscow scientist in contemporary history of Gorgud literature and make out the significance of his researches in the study of Azerbaijan epos poetry.